

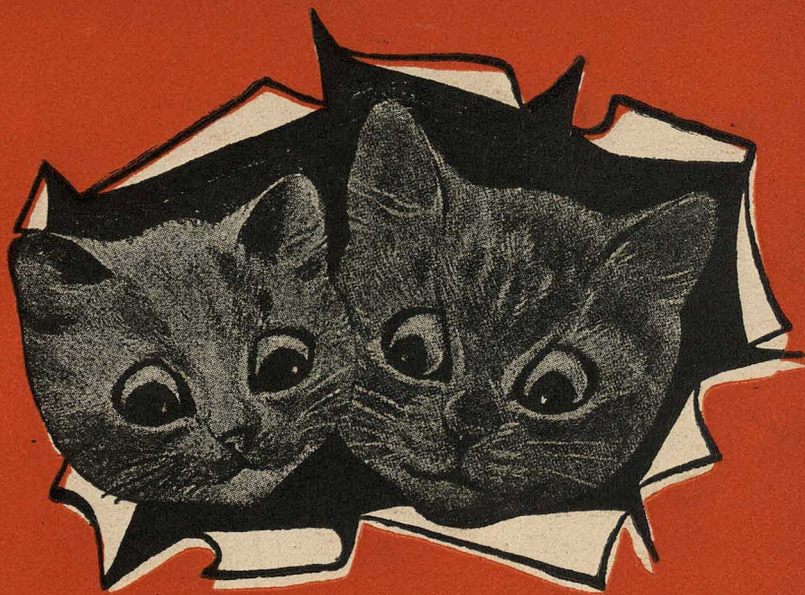
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

ДЕКАБРЬ

№ 4.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НЯНИНЫ СКАЗКИ.
ПОДЪ ЕЛКОЙ.
НУ, ВОТЪ И ЕЛКА!
ВЪ ПУСТЫНѢ.
НА ЧУЖБИНѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ,
и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Въ тепломъ гнѣздышкѣ» — сборникъ повѣстей и рассказовъ для дѣтей (листъ 2-й).

Игра «Кто скорѣе?»

Выкройка костюма для мальчика.

№ 4. Декабрь, 1910. Годъ изданія IV-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ). При кажд. нум. приложенія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ ТРИ руб. 80 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Академія художествъ въ С.-Петербургѣ.

НЯНИНЫ СКАЗКИ.

Небесный сводъ горитъ звѣздами,
 На стеклахъ мерзлаго окна
 Посеребреными лучами
 Играетъ зимняя луна.
 Въ гостиной тихо. На диванѣ
 Другъ къ другу жмутся малыши
 И только сказки старой няни
 Звучатъ таинственно въ тиши.
 Въ вечернемъ сумракѣ предметы
 Застыли тѣнью по угламъ,
 Со стѣнъ старинные портреты
 Глядятъ задумчиво изъ рамъ.
 Бросая красный свѣтъ на лица,
 Горитъ привѣтливо каминъ
 И длинной, пестрой вереницей
 Плыветъ волшебный рядъ картинъ.
 Вотъ Дѣдъ-Морозъ бредетъ лѣсами
 Въ холодно-снѣжномъ серебрѣ,
 Вся въ бѣломъ, съ синими глазами,
 Снѣгурка таетъ на кострѣ.

Въ лѣсу дремучемъ звѣри бродятъ
 И человѣчимъ языкомъ
 Бесѣды странныя заводятъ.
 На помелѣ летитъ верхомъ
 Яга косматая и злая
 И изъ чудеснаго клубка,
 Что ей бросаютъ, убѣгая,
 Течетъ глубокая рѣка.
 И далеко въ пескѣ сыпучемъ,
 Гдѣ море синее шумитъ,
 Тамъ перстень чудный и могучій
 На днѣ волшебникомъ зарытъ.
 ...И дѣти, внемля старой нянѣ,
 О томъ, что было въ старину,
 Пугливо жмутся на диванѣ,
 Боясь нарушить тишину.
 А отъ камина свѣтъ ложится
 Неровной тѣнью на коверъ,
 На стеклахъ весело искрится
 Снѣжинокъ радужный узоръ.

Е. Селунская.

ПОДЪ ЕЛКОЙ.

23-го декабря, утромъ, наканунѣ сочельника, когда Вѣрочка еще спала, Федоръ Аркадьевичъ вышелъ изъ своего стариннаго помѣщичьяго дома и зашагалъ по снѣгу къ избушкѣ лѣсника, виднѣвшейся по ту сторону поля, около самаго лѣса. Было холодно, дулъ въ лицо вѣтеръ и гналъ передъ собою сухой снѣгъ. Федоръ Аркадьевичъ былъ въ высокихъ валенкахъ и въ шубѣ и только покрывалъ отъ морознаго вѣтра. Дойдя до избушки, онъ постучалъ

въ дверь къ лѣснику рукояткой своей палки и закричалъ:

— Филиппъ!

Заслышавъ его голосъ, на порогѣ показался старый лѣсникъ. Онъ былъ весь сгорбленъ и все лицо его было покрыто морщинами настолько, что казалось выжатымъ, какъ лимонъ. Онъ былъ одѣтъ въ валенки и красную кумачевую рубаху и, вѣроятно, только что пилъ чай, потому что спина у него была мокрая и отъ нея у него шелъ паръ. Волосы у него были такіе сѣдые, что стали даже зеленоватыми. Онъ прожилъ въ этой избушкѣ уже сорокъ лѣтъ и когда-то считался лучшимъ лѣсникомъ. Теперь-же онъ былъ такъ старъ и слабъ, что не годился уже въ лѣсники, и каждое утро, обходя свой лѣсъ, то и дѣло натыкался на свѣжую порубку.

— Здравствуйте, батюшка Федоръ Аркадьевичъ, — сказалъ онъ, увидѣвъ передъ собою своего хозяина. — Милости просимъ...

Но хозяинъ не имѣлъ намѣренія входить въ избушку.

— Одѣнься, Филиппъ, — сказалъ онъ, — и пойдемъ со мною!

Филиппъ одѣлся и они зашагали въ лѣсъ, къ тому мѣсту, гдѣ на пригоркѣ росли свѣженькія пушистыя елки, которыя теперь мѣрно покачивали своими вѣтвями отъ набѣгавшаго на нихъ вѣтра. Подойдя къ нимъ, они вспугнули съ нихъ двухъ тетеревей, которые

щипали на нихъ шишки. Тетерева подпустили ихъ близко къ себѣ, а затѣмъ съ шумомъ снялись и полетѣли.

— Дичи-то, дичи сколько у насъ!.. — проговорилъ Филиппъ. — И не хочешь, такъ будешь стрѣлять...

Въ сторонѣ и отдѣльно отъ другихъ росла одна елка, высокая, стройная и пушистая. На общемъ фонѣ почернѣвшаго отъ зимы лѣса она выдѣлялась, какъ молоденькая дѣвушка въ толпѣ стариковъ, и было пріятно на нее смотрѣть. Федоръ Аркадьевичъ остановился передъ ней, потрогалъ ее рукой и сказалъ:

— Завтра утромъ ты срубилъ, Филиппъ, эту елку и привезешь ее къ намъ на дворъ. Мы уберемъ ее разными сластями, зажжемъ на ней огни и для нашей Вѣрочки будетъ праздникъ. Постарайся привезти ее какъ можно раньше, когда она еще будетъ въ постелькѣ, уберемъ ее сластями и бусами. Будемъ обвѣшивать ее всѣ: и я, и барыня и прислуга...

— Слушаю, батюшка Федоръ Аркадьевичъ, — отвѣтилъ Филиппъ. — Завтра часиковъ въ пять утра срублю и привезу. Будьте покойны...

Они вернулись тою-же дорогой назадъ. Дойдя до избушки, Федоръ Аркадьевичъ помялся немного и, чувствуя неловкость, сказалъ:

— Мнѣ нужно сказать тебѣ два

слова, Филиппъ. Видишь-ли, въ чемъ дѣло... Ты служишь у насъ уже давно, но... ты очень старъ. Сейчасъ мы проходили съ тобой по лѣсу и видѣли нѣсколько срубленныхъ кѣмъ-то деревьевъ. Это нехорошо, но и ты, конечно, не виноватъ... Ты уже старъ!.. Я не могу долѣе держать тебя на этомъ мѣстѣ... Къ тому-же и занятіе лѣсника—дѣло не легкое и требующее здоровья и силъ. На твоёмъ мѣстѣ необходимъ молодой человѣкъ. Короче—я хочу замѣнить тебя другимъ... Мнѣ очень жаль тебя, но что дѣлать? Ты и самъ видишь, что ты уже не въ силахъ. Я очень благодарю тебя за твою долготѣльную службу и, конечно, не останусь передъ тобою въ долгу... Но я долженъ тебя предупредить: послѣ Срѣтенья, т. е. послѣ 2-го февраля, я замѣню тебя другимъ.

Старикъ смутился, зашевелилъ губами и провелъ дрожащею рукою по лицу.

— Что-же дѣлать, батюшка баринъ, Ѳедоръ Аркадьевичъ? — заговорилъ онъ наконецъ.—Я и самъ знаю, что я теперь уже не такой работникъ, какъ былъ когда-то! А только вотъ что я вамъ, батюшка, скажу. Я служилъ еще вашему дѣду и отцу, дай Богъ имъ царство небесное! Служилъ и вамъ... Цѣлые пятьдесятъ лѣтъ служилъ!.. Думалъ, что и я и старуха моя Настасья такъ и умремъ у васъ здѣсь въ избушкѣ, а вотъ выходитъ ина-

че. Что-жъ дѣлать, баринъ? Я вѣдь понимаю!.. Надо войти и въ ваше положеніе! Я... я понимаю! Только и мнѣ некуда дѣваться...

И онъ смахнулъ навернувшуюся на глаза слезу.

Ѳедоръ Аркадьевичъ видѣлъ эту слезу, ему было жаль старика, но жаль было и лѣса, который такъ безжалостно рубили и расхищали другіе. Онъ вовсе не хотѣлъ оставлять Филиппа безъ куска хлѣба и уже заранѣе приготовилъ ему хибарку у себя на скотномъ дворѣ.

„Пусть живетъ до смерти у меня въ усадьбѣ“, думалъ онъ. „Много-ли ему надо? Ихъ всего только двое—не объѣдать!“

Филиппъ постоялъ немного на порогѣ своей избушки, затѣмъ покачалъ головою и укоризненно сказалъ:

— Грѣхъ, баринъ, грѣхъ!

Это обидѣло Ѳедора Аркадьевича, онъ ничего ему не отвѣтилъ и пошелъ домой. Онъ не сказалъ ему даже и того, что хотѣлъ сказать, а именно, что старикъ со старухой не останутся у него безъ куска хлѣба и будутъ жить у него до конца своихъ дней.

А тѣмъ временемъ, Вѣрочка проснулась въ своей маленькой, свѣтлой дѣтской, радостная, какъ жаворонокъ. Одѣваясь она, все время болтала, спрашивала маму о елкѣ, мечтала о подаркахъ, щебетала какъ птичка и кончила тѣмъ, что стала проситься у мамы

на дворъ. Мама напоила ее молокомъ и, чтобы имѣть побольше времени для приготовления къ празднику, одѣла ее въ шубку и въ капоръ и выпустила ее гулять на снѣгъ. Захвативъ съ собою куклу, Вѣрочка выбѣжала въ паркъ

Она направилась уже домой, какъ вдругъ, къ удивленію своему, увидала молодую ворону, которая, широко распустивъ крылья, бѣгала взадъ и впередъ и хромала. Вѣроятно, кто-нибудь выстрѣлилъ въ нее изъ ружья, ранилъ ее въ

Ворона быстро убѣгала отъ нея прочь.

и стала бѣгать по его расчищеннымъ дорожкамъ. Дуль вѣтеръ, было морозно и скоро у нея стали зябнуть пальцы на рукахъ. Не было ни бабочекъ, ни цвѣтовъ, ни травки, не за кѣмъ и не по чему теперь было побѣгать и дѣвочка скоро заскучала.

— Пойдемъ домой—обратилась она къ своей куклѣ.—Ты можешь простудиться! Нечего тутъ ходить!

ногу или въ крыло и она спаслась около усадьбы.

— Бѣдная ворона!—воскликнула Вѣрочка.—Она ранена!

И, положивъ куклу на снѣгъ, она широко разставила руки, чтобы удобнѣе было схватить, и побѣжала за птицей. Ей хотѣлось ее поймать. Она думала, что это ей будетъ сдѣлать легко, и уже представляла себѣ, какъ она при-

несетъ ворону домой, помѣститъ ее у себя въ дѣтской и будетъ ее кормить и лечить. Но ворона быстро убѣжала отъ нея прочь и каркала. Вѣрочка тоже бѣжала за ней. Ворона проскочила сквозь спицы загородки и оказалась на лугу, теперь уже сплошь покрытому снѣгомъ. Вѣрочка такъ увлеклась погоней за ней, что тоже пролѣзла сквозь отверстіе въ оградѣ и сама и продолжала за ней бѣгать и ловить. Размахивая крыльями и каркая, ворона запрыгала по снѣгу и побѣжала прямо къ лѣсу.

— Нѣтъ, подожди!..—закричала ей Вѣрочка. — Ты отъ меня не уйдешь! Я тебя поймаю!

И она такъ увлеклась погоней за вороной, что и не замѣтила, какъ вступила въ лѣсъ. Кругомъ стояли деревья, ели стряхивали на нее со своихъ вѣтвей снѣгъ и иней, но она этого не замѣчала и все бѣжала за вороной и незамѣтно для самой себя удалялась въ самую глубь лѣса.

— И все-таки я тебя поймаю!—говорила она и готова была уже плакать, что ворона ускользала у нея изъ рукъ.

Она зашла въ самую чащу лѣса. Высокія деревья поднимали кверху свои обнаженныя вѣтви и вѣковыя сосны шумѣли у нея надъ головой своими вершинами отъ вѣтра. Внизу, у ихъ стволовъ, росъ частый кустарникъ. Ворона юркнула въ него и исчезла изъ

глазъ. Вѣрочка долго стояла около него ожидая, когда она выскочитъ изъ него, да такъ и не дождалась. Теперь нужно было возвращаться домой. Вѣрочка обернулась назадъ и вдругъ увидала себя въ дремучемъ лѣсу. Кругомъ, сквозь деревья, не видѣлось ни малѣйшаго просвѣта. Бѣ слѣды на снѣгу были уже замечены вѣтромъ. Она поняла, что заблудилась, и страхъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ.

— Мама! Мама!—закричала она въ испугѣ.

Но ее никто не слыжалъ. Она бросилась вправо, побѣжала впередъ и назадъ, но вокругъ нея стояли одни только безмолвныя деревья и поднимались кусты, и она не знала, куда ей идти.

— Мамочка! Мама!—закричала она опять, но ей не отвѣтилъ никто и она убѣдилась, что теперь ей дорогу домой уже не найти.

И она побѣжала наудачу, куда глядѣли ея глаза.

Долго бѣжала она, плакала, кричала и звала къ себѣ на помощь, пока, наконецъ, не выбилась изъ силъ и не упала на снѣгъ. Она поднялась и, полная страха, подошла къ елкѣ, росшей въ сторонѣ, сѣла подъ нее и прислонилась къ стволу спиной.

Страшныя исторіи, которыя рассказывала ей няня о разбойникахъ и волкахъ, пришли ей на умъ. Она стала ожидать, когда придетъ къ ней волкъ и съѣстъ

ее, и горько плакала. Но онъ не приходилъ, а она все сидѣла подъ елкой, ждала его, и звала къ себѣ на помощь:

— Папа, мама! кричала она и слезы струились у нея изъ глазъ.

Дулъ вѣтеръ, гудѣли вершинами деревья и по прежнему носился между стволами деревьевъ снѣгъ. Проходили минуты, изъ минутъ получались часы, а она все сидѣла и сидѣла и, иззябшая, продрогшая, стала чувствовать, какъ ее уже клонить ко сну. А тѣмъ временемъ солнце свершило уже свой дневной путь и садилось. Потянулись тѣни, глубина лѣса стала туманной и мало по малу на землю спустились ранніе зимніе сумерки, а за ними наступила и ночь. Истомленная страхомъ и голодомъ и продрогшая до костей, Вѣрочка глубоко вздохнула, легла на снѣгъ, подложила ручку подъ голову и заснула.

Ей снилась елка, вся увѣшанная игрушками и сладостями, на ней горѣли свѣчи и разноцвѣтные огоньки, вокругъ нея бѣгали веселыя дѣти и она сама, и пѣли пѣсни. Между дѣтьми ходили папа, мама и няня и раздавали всѣмъ золоченые орѣхи. Затѣмъ огоньки отъ елки замелькали у нея въ глазахъ, все смѣшалось, перепуталось и сѣдой, волнистый туманъ засталъ ей глаза. Она впала въ забытье. Прибѣжалъ зайка, поглядѣлъ на нее, всталъ на заднія

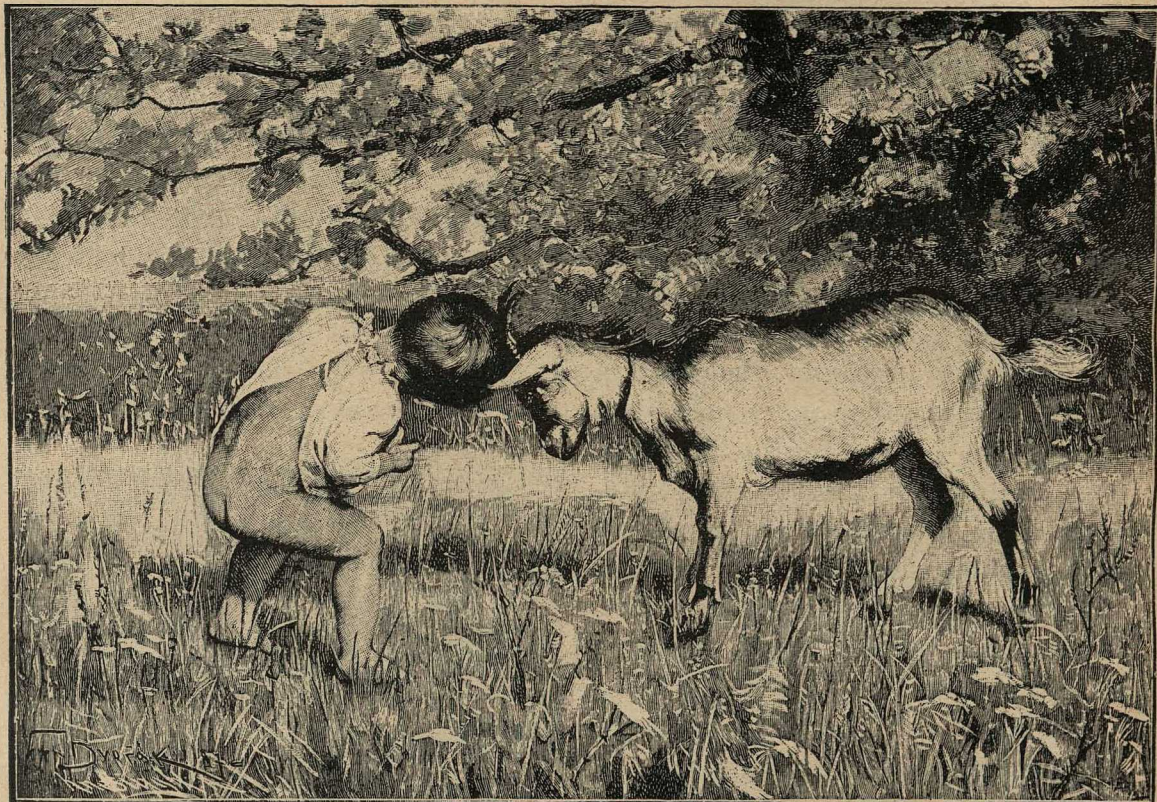
лапки, пошевелилъ ноздрями, понюхалъ воздухъ и побѣжалъ далѣе. И вновь наступила тишина.

А тѣмъ временемъ въ усадьбѣ хватились Вѣрочки и стали искать ее во всѣхъ мѣстахъ. Думали, что она въ людской или на скотномъ дворѣ, но ея не оказалось нигдѣ, увидали ея куклу, лежавшую одиноко на снѣгу, не могли ничего понять, и кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ потеряли головы, засуетились и бросились искать ее во всѣ стороны. Мама и папа были въ отчаяніи, няня всхлипывала и не знала, что ей дѣлать. Время проходило въ бесплодныхъ поискахъ и было похоже на то, что

Ей снилась елка, вся украшенная сладостями и игрушками.

Вѣрочка провалилась сквозь землю или упала въ колодезь. Пошарили въ колодецѣ, но въ немъ не оказалось ничего, сбѣгали на рѣку, но и на ней не было ни одной проруби и ни одной полыньи. Въ то всѣ искавшіе возвратились домой ни съ чѣмъ и начались плачь и рыданія и бѣдная мать не могла утѣшиться и во всемъ обвиняла одну себя. Вся усадьба была на ногахъ съ утра, каждый дѣлалъ свои

Кто сильнѣе?

паркѣ раскопали во всѣхъ мѣстахъ лопатами снѣгъ, но и подъ нимъ не нашли заблудившейся дѣвочки. Слѣды ея уже были давно замечены снѣгомъ и никому и въ голову не приходило, что она могла уйти въ лѣсъ и потеряться тамъ. Всѣ поиски оказались напрасными. А когда сталъ спускаться вечеръ,

предположенія и всѣ эти предположенія не приводили ни къ чему.

И только два человѣка не знали ни о чемъ—это лѣсникъ Филиппъ и его жена Настасья. Проводивъ своего хозяина, Филиппъ возвратился къ себѣ въ избушку, опустился на лавку и тяжело вздохнулъ.

Гостей подымает.

— Послѣзавтра Рождество, ска- залъ онъ,—а у насъ съ тобой не- чѣмъ и разговѣться! Баринъ серча- етъ, что мужики рубятъ его лѣсъ, грозитъ насъ уволить, а что я по- дѣлаю? Эхъ, Настасья, Настасья, стары мы съ тобой стали, никому теперѣ не нужны, некому насъ и пожалѣть!

Настасья собрала яйца въ лу- кошко, внесла изъ сѣней горшо- чекъ съ сметаной и фунтикъ масла. Все это она съэкономила за весь Рождественскій постъ и пригото- вила для продажи. Филиппъ за- пряжетъ лошадь, они сядутъ въ розвальни и поѣдутъ сейчасъ за двѣнадцать верстъ на станцію же- лѣзной дороги. Тамъ они прода- дутъ эти яйца, сметану и масло и купятъ себѣ что-нибудь къ празд- нику. Разговѣются и они. У нихъ будутъ чай и бѣлый хлѣбъ и На- стасья сваритъ своему старику что-нибудь мясное.

— Что-жь, старикъ? обратилась она къ своему мужу.—Пора запря- гать!

Все еще вздыхая, онъ тяжело поднялся со скамьи и вышелъ изъ избышки. Въ его распоряженіе была предоставлена старая кляча, уже неспособная ни пахать, ни возить, и онъ объѣзжалъ на ней, не торопясь, каждый день свой лѣсъ. Онъ запрягъ ее, одѣлся, взялъ по деревенской привычкѣ съ собою на всякій случай топоръ и сунулъ его подъ сидѣнье. Вы-

шла Настасья со своими товарами, они оба перекрестились и не спѣ- ша отправились въ путь.

— Эхъ-эхъ-эхъ!... вздыхалъ Фи- липпъ по дорогѣ.—Жизнь наша, жизнь наша!.. Эхъ-ма-хма!

И всю дорогу онъ глубоко взды- халъ и разговаривалъ самъ съ со- бою.

Пока они добрались до станціи, пока продали тамъ свои товары и купили кое-что себѣ къ празд- нику, и пока доплелись до своего лѣса обратно, стало уже совсѣмъ темно. По прежнему дулъ вѣтеръ и заметалъ ихъ слѣдъ. Проѣзжая мимо того мѣста, гдѣ росла та елка, на которую Филиппу указы- валъ утромъ Федоръ Аркадьичъ, лѣсникъ вспомнилъ, что ее нужно было завтра утромъ, чуть свѣтъ, срубить и доставить въ барскую усадьбу.

— Стой, Настасья, обратился онъ къ женѣ.—Поднимись-ка немного, я достану топоръ!... Тпррру!..

Лошадь остановилась.

— Что ты хочешь дѣлать? спро- сила его жена.

— Дай-ка я срублю сейчасъ эту елку! Баринъ приказалъ! Чѣмъ завтра рано утромъ ходить, такъ все одно лучше теперь.

Онъ досталъ топоръ, слѣзъ съ саней и во мракѣ ночи зашагалъ къ елкѣ. Расчистивъ вокругъ нея снѣгъ, онъ натолкнулся подъ ней на что-то мягкое и теплое и въ испугѣ вдругъ закричалъ женѣ:

— Настасья! Настасья! Иди скорѣе сюда!

Услышавъ его встревоженный крикъ, Настасья испугалась и сама, выскочила изъ саней и побѣжала къ елкѣ.

— Что такое? Что тутъ? спросила она Филиппа.

Но онъ уже держалъ на своихъ рукахъ полузамерзшую дѣвочку, бывшую въ полузабытѣи и свѣсившую свою головку на бокъ, такъ, точно это была раненая птичка.

— Развѣ не видишь, дура? крикнулъ на нее мужъ.—Господская барышня Вѣруша! Чай не ослѣпла! Видишь?

— Какъ-же она сюда попала? спросила въ изумленіи Настасья и не вѣрила своимъ глазамъ.

— А кто-же ее знаетъ! Разгребаю вокругъ елки снѣгъ, а она тамъ и лежитъ!

— Жива или мертва?

— Живая! Видишь, снѣгъ таетъ у нея около губъ!

Настасья приняла у него изъ рукъ Вѣрочку и нѣжно, какъ родная мать, распахнулась, приложила ее къ своей груди, запахнула края шубы и побѣжала съ нею къ санямъ.

— Болѣзная ты моя!.. говорила она.—Голубушка ты моя ненаглядная! Вишь, какъ иззябла, какъ зачоченѣла вся, бѣдняжечка!..

И она стала ее согрѣвать, какъ могла.

— Дѣла-то, дѣла-то какія!.. вздыхалъ въ это время Филиппъ и рубилъ елку. — Барышню въ лѣсу нашли... Должно быть заблудилась... Эхъ-ма-хма! Поди дома всѣ переполошились... Ищутъ... Охо-хо-хо! Грѣхи наши тяжкіе!

И пока Настасья согрѣвала Вѣрочку, Филиппъ срубилъ елку, приволокъ ее къ санямъ и привязалъ ее къ задку.

— Ну, вотъ!.. разговаривалъ онъ самъ съ собою.—И елку срубили, и барышню нашли... Теперь можно ѣхать и домой! Но, милая!.. Трогай!

И хлестнувъ по тощимъ бокамъ своей лошаденки, онъ направилъ ее прямо на господскій домъ.

Они приѣхали въ усадьбу въ самый тотъ моментъ, когда, потерявъ уже всякую надежду на отысканіе Вѣрочки, ея отецъ Ѳедоръ Аркадьевичъ собирался ѣхать въ сосѣднее село, чтобы собрать всѣхъ мужиковъ и отправиться вмѣстѣ съ ними на поиски за безслѣдно пропавшей дочерью. Выйдя въ дохъ и въ высокихъ валенкахъ изъ дома, чтобы садиться въ поданныя ужъ сани, онъ увидалъ Филиппа и его жену.

— Что тебѣ, старикъ? спросилъ онъ его.

— Къ вашей милости... отвѣтилъ Филиппъ и снялъ шапку.—Елочку вотъ привезли.

— Какую елочку?

— Да ту, что вы давеча приказали срубить!..

Федоръ Аркадьевичъ безнадежно махнулъ рукой.

— Теперь эта елка уже не нужна, вздохнулъ онъ.—Наша Вѣрочка безслѣдно пропала!

Филиппъ лукаво, по стариковски, подмигнулъ Настасьѣ.

— Пропала? отвѣтилъ онъ.— Никакъ нѣтъ, сударь, не можетъ этого быть! Пожалуйте къ моимъ санкамъ и извольте въ нихъ заглянуть!

Федоръ Аркадьевичъ подошелъ къ его санямъ, нагнулся надъ ними и поглядѣлъ. Въ нихъ на снѣ сладко спала его дочь Вѣрочка и улыбалась во снѣ. Онъ схватилъ ее на руки, прижалъ ее къ своему сердцу и, какъ безумный, побѣждалъ съ нею въ домъ.

— Спасена!.. Найдена!.. кричалъ онъ внѣ себя отъ радости.— Идите сюда всѣ!.. Вѣгите скорѣе ко мнѣ. Она спасена! Она нашла! Смотрите!.. Смотрите!

Всѣ обступили его со всѣхъ сторонъ и не вѣрили своимъ глазамъ. Вѣрочка проснулась, оглядѣлась кругомъ и сладко зѣвнула. Увидѣвъ себя дома, въ своемъ родномъ кругу, она подумала, что все то, что она пережила, было только тяжелымъ сномъ, и улыбнулась. Но, замѣтивъ слезы на глазахъ у своихъ матери и отца, она поняла, въ чемъ дѣло, и бросившись къ матери на шею, стала громко рыдать.

— Мамочка, мама! лепетала

она.—Какъ мнѣ было страшно! Какъ я боялась въ лѣсу одна!..

А затѣмъ ее переодѣли и дали ей поѣсть.

Пока она ѣла, Федоръ Аркадьевичъ выбѣжалъ на дворъ, розыскалъ въ темнотѣ Филиппа, скромно собиравшагося уже къ себѣ домой, и протянулъ ему руку.

— Филиппъ, обратился онъ къ нему.—Я не знаю, какъ мнѣ тебя благодарить. Съ нынѣшняго дня мы не разстанемся съ тобой ужъ

больше никогда! Я считаю тебя своимъ близкимъ и роднымъ!

Филиппъ глядѣлъ на него и тоже не зналъ, какъ ему благодарить...

А на слѣдующій день была зажжена елка. Было приглашено много дѣтей и Вѣрочка водила съ ними вокругъ елки хороводъ и пѣла пѣсни. Настасья и Филиппъ были тоже приглашены, получили подарки, и робко рядомъ сидѣли въ уголку.

Теперь ужъ они остались въ усадьбѣ навсегда.

Дядя Иксъ.

НУ, ВОТЪ И ЕЛКА!

Ну, вотъ и елка! Картонажи,
Конфекты, бусы, блескъ свѣчей,
Такъ много сладостей, что даже
Не закрываль-бы и очей.

Все такъ стояль-бы и на елку
Всю жизнь глядѣль-бы и съ вѣтвей
Все ѣль-бы, ѣль и ѣль безъ толку,
Пока не съѣль-бы всѣхъ сластей.

Горять огни и запахъ смолки
Кругомъ по комнатамъ идетъ
И дѣти милыя, какъ пчелки,
Жужжать и водять хороводъ.

Кузнечикъ.

ВЪ ПУСТЫНѢ.

— Спокойной ночи, мамочка!

Коля ласково обвилъ шею мамы, приподнялся съ постельки и, поиславъ въ темнотѣ ея губы, крѣпко поцѣловалъ.

— Спи, Господь съ тобою! отвѣтила мама.—Завтра Рождество.—

Мама вышла. Коля повернулся къ стѣнѣ и, подложивъ руку подъ щечку, сталъ ожидать сна.

Но сонъ не шелъ къ нему.

Думы о праздникѣ, объ елкѣ, о подаркахъ тѣснились въ его головѣ.

Онъ вспоминалъ цѣлый рядъ зеркальныхъ стеколъ въ магазинахъ, за которыми стояли такія красивыя игрушки: станція желѣзной дороги, передъ нею платформа съ фонаремъ. Начальникъ станціи важно машетъ заводной ручкою и изъ желѣзнаго тунеля выѣзжаетъ паровозъ съ цѣлымъ рядомъ вагоновъ. Жестяные колесики стучатъ по рельсамъ, какъ настоящіе. Тутъ же въ углу стоитъ красный моторъ; и вотъ-вотъ двинется съ мѣста! Надъ ними, плавными кругами, летаютъ въ воздухѣ нѣжные, какъ стрекозы, аэропланы...

„Какъ долго тянется время! думаетъ Коля. Хотъ бы заснуть поскорѣе“!

И онъ переворачивается на другой бокъ.

Окна магазиновъ все еще продолжаютъ дразнить его, но вотъ кто-то невидимой рукою проводить нѣжно по его глазамъ; они устало слипаются и Коля начинаетъ засыпать... Нѣжная рука снова гладитъ его глаза и они смыкаются еще тѣснѣе.

Передъ нимъ темная стѣна его спальни. Вотъ по краю постельки, вдоль стѣны тихо прошелъ какой-то крошечный сѣдой человѣчекъ съ длинной—предлинной бородою.

— Кто ты?—спрашиваетъ его Коля, не открывая усталыхъ глазъ.

— Спи, мой мальчикъ,—ласково отвѣчаетъ старичекъ и наклоняется надъ нимъ такъ близко, что длинная борода его щекочетъ ему щечки.

— Кто ты? еще разъ задаетъ ему Коля вопросъ.

— Я—Время, отвѣчаетъ старичекъ,—и могу сейчасъ показать тебѣ интересныя картины. Ты бывалъ когда-нибудь въ синематографѣ? Ну, такъ вотъ, гляди!

Коля уже спалъ, но передъ его изумленными глазами открылась вдругъ картина.

— Это Ливійская пустыня! говорить ему старичекъ. Здѣсь еще нѣтъ людей, а только одни животныя, между которыми нѣтъ любви.

Спать Ливійская пустыня. Какъ сѣрое, безбрежное море, раскинулась ея песчанная, голая равнина.

Сѣрый песокъ, голые, острые камни и кое-гдѣ колючій и жесткій кустарникъ.

Надъ нею глубокой темно-синій куполь неба и яркія звѣзды перемигиваются между собою въ вышинѣ.

Тихо въ пустынѣ. Такъ тихо, что слышно, какъ шуршитъ песокъ, гонимый ночнымъ вѣтеркомъ, какъ скользятъ ящерицы между камнями.

Звѣзды падаютъ съ неба и гаснутъ, не достигнувъ земли. Дико и пусто кругомъ.

Настороживъ мягкія уши, легко хрустя по песку, двѣ нѣжныя козочки перебѣгаютъ песчанную равнину къ оазису Куффа, гдѣ чернѣютъ темныя пальмы и подземный источникъ бьетъ и струится по камнямъ. Имъ хочется пить.

Крадучись, неслышно ступая, входитъ на холмъ царь-пустыни левъ. Онъ встряхиваетъ косматой гривой и хищнымъ взглядомъ обводитъ безконечную пустыню. Замѣтивъ козъ, онъ присѣдаетъ къ землѣ.

Почуявъ его пристальный и властный взглядъ, козы вздрагиваютъ и бросаются прочь.

Но левъ однимъ прыжкомъ подсакиваетъ къ нимъ, хватаетъ одну изъ нихъ, уноситъ ее на холмъ и съѣдаетъ.

Звѣзды гаснутъ; небо блѣднѣетъ.

Черная завѣса ночи сползаетъ къ западу. На востокъ восходитъ солнце. Вся пустыня окрашивается въ розовый цвѣтъ.

Красными становятся песокъ, острые камни; на холмѣ лежитъ сытый левъ и подъ нимъ розовѣютъ тонкія кости. Бѣлый туманъ затягиваетъ картину. Сѣдой старичекъ склоняется надъ Колей и говорить:

— Прошли вѣка!—Болѣе тысячи лѣтъ! Теперь здѣсь уже люди, но и между ними тоже нѣтъ любви!

И снова сползъ туманъ, какъ завѣса и передъ Колей—та же Ливійская пустыня и та же ночь.

Звѣзды свѣтятъ блѣдно. Въ пустынѣ тихо.

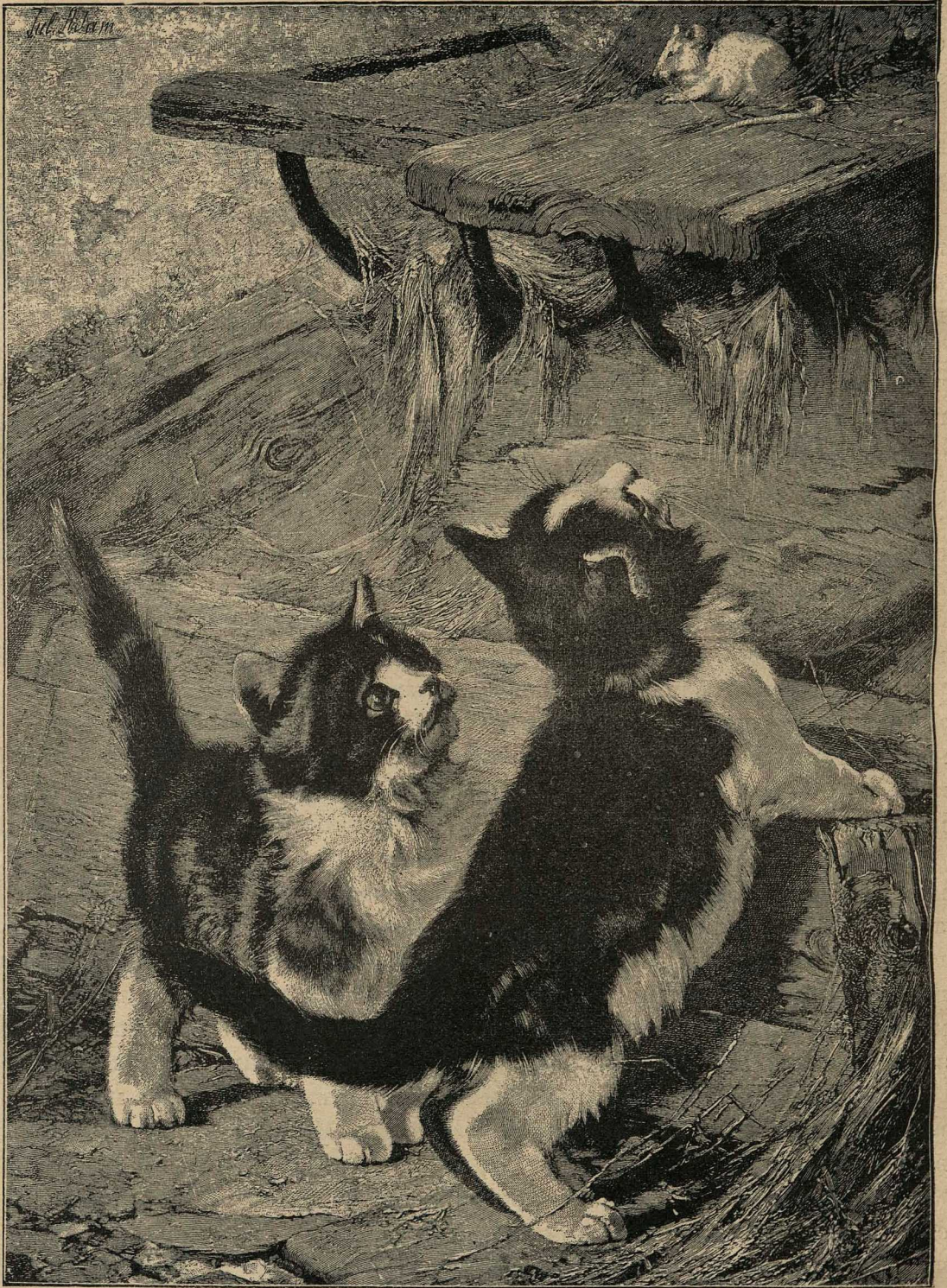
Пустыня спитъ.

На холмѣ, гдѣ раньше живой левъ пожиралъ козу, теперь, освѣщенный луною, лежалъ другой левъ, но уже изъ камня и съ человѣческой головой.

На высокой плитѣ, вытянувъ лапы впередъ, этотъ левъ глядитъ передъ собою на далекія пирамиды и луна обливаетъ своимъ свѣтомъ его длинную спину, тонкій хвостъ и головной уборъ, такой, какіе носили во времена Моисея фараоны.

Нѣтъ въ лицѣ его ни любви, ни радости, нѣтъ ни горя, ни заботъ. Лицо его спокойно; глаза смотрятъ прямо и строго.

— Это Сфинксъ,—говоритъ Колѣ

Ушла!

Около шляпы хозяина.

старичекъ. Его выстроили древніе египтяне; какъ только небо на востокъ начнетъ алѣть, сюда придутъ караваны для отдыха и молитвы.

И видитъ Коля, какъ отъ береговъ рѣки Нила, въ песчанномъ розовѣющемъ туманѣ, движутся длинныя караваны верблюдовъ и ословъ.

Впереди идутъ жрецы въ бѣлыхъ одѣяньяхъ, за ними черныя рабы несутъ золотыя треножники и сосуды; потомъ тѣлохранители въ пестрыхъ одеждахъ, вооруженныя щитами и стрѣлами; и наконецъ въ золоченныхъ одеждахъ—за ними слѣдуетъ самъ фараонъ. Черный рабъ держитъ надъ нимъ опахало изъ страусовыхъ перьевъ. За ними ведутъ верблюдовъ съ дорожными дарами, а сзади всѣхъ гонятъ нѣжныхъ козъ для закланія въ жертву Сфинксу.

Небо свѣтлѣетъ. Караванъ подходитъ ближе. Жрецы всходятъ къ Сфинксу по высокимъ ступенямъ.

Рабы разставляютъ треножники, душистымъ масломъ наполняютъ сосуды и разводятъ для жертвы огонь.

Вотъ выходитъ на средину жрецъ, самый главный, высокій и строгій, и, протянувъ руки къ Сфинксу, приступаетъ къ закланію козъ.

— Ты видишь, что здѣсь еще господя и рабы? спрашиваетъ Колю старичекъ.—Взгляни на эти

печальныя лица безправныхъ рабовъ!

Трещитъ дерево въ огнѣ; потянулся сизый дымъ къ небу. Красное солнце поднимается изъ-за горизонта и окрашиваетъ краснымъ свѣтомъ песокъ, далекія пальмы, караванъ фараона, бѣлыхъ жрецовъ и огромнаго Сфинкса,—и все кругомъ становится краснымъ.

Бѣлый туманъ Времени снова окуталъ все и картина исчезла изъ глазъ Коли.

— Прошла еще тысяча лѣтъ! сказалъ ему старичекъ.

И въ третій разъ сползла завѣса тумана и передъ Колей опять все та же Ливійская пустыня и та же ночь.

Сѣрый песокъ, голыя острые камни и кое-гдѣ, жесткая колючая трава.

Небо чистое, темно-синее, какъ бархатъ, виситъ надъ землею.

Милліонами звѣздъ усѣянъ далекій куполь и одна изъ нихъ, самая большая, свѣтитъ сильно, ярче другихъ.

Тамъ, далеко въ песчанной дали, поднимается луна.

Каменный Сфинксъ стоитъ все на томъ же старомъ мѣстѣ и бѣлѣетъ при свѣтѣ луны.

Пустыня спитъ.

Ничто не нарушаетъ ея покоя; только гдѣ-то вдали слышится тихій всплескъ: это далекій Ниль катитъ свои мутныя воды.

Что-то движется тамъ въ темно-

тѣ пустыни. Пока еще нельзя разглядѣть, что именно. Но вот луна поднимается выше и при свѣтѣ ея виднѣются усталые путники, направляющіеся къ Нилу.

Впереди, опираясь на посохъ, идетъ высокій старикъ и ведетъ за поводья ослицу. На ней верхомъ, въ темномъ одѣяніи, ѣдетъ дѣва и что-то держитъ въ складкахъ своей одежды.

— Какъ я устала, Иосифъ, — говоритъ она старику: — да и ослицѣ здѣсь не мѣшало бы отдохнуть. —

— Сейчасъ, Марія, отвѣчаетъ ей старикъ. — Мы подойдемъ къ этому Сфинксу и ты тамъ отдохнешь.

Пришли. Старикъ привязываетъ ослицу къ камню; снимаетъ съ сѣдла дѣвушку и бережно усаживаетъ ее между лапами Сфинкса.

Она устало склоняется на его каменную грудь и вздыхаетъ.

Затѣмъ она осторожно беретъ за край своей одежды и отводитъ ее въ сторону. И вдругъ пустыня озаряется яркимъ свѣтомъ; и этотъ бѣлый свѣтъ сіяетъ сильнѣе звѣздъ, сильнѣе луны и солнца!

На рукахъ у Дѣвы младенецъ и бѣлый ласковый свѣтъ исходитъ отъ Него и освѣщаетъ пустыню.

— Кто это? спрашиваетъ Коля.

— Это Христось, отвѣчаетъ старичекъ. — Онъ спасается отъ преслѣдованій Ирода и вотъ Онъ въ Египтѣ!

И вдругъ надъ Младенцемъ-Христомъ низко спустилась звѣзда и вокругъ Него собрались всѣ народы, желтой, бѣлой, красной, и коричневой кожи; за ними — всѣ звѣри земли; надъ ними — всѣ птицы лѣсныя, подъ ними — букашки и червячки, а въ водѣ рыбы, раки и моллюски и кораллы.

— Миръ вамъ! говоритъ имъ Христось.

И запѣли птицы небесныя; заревѣли, заржали, закричали звѣри лѣсные и люди-братья возгласили хвалу Богу милосердія и любви!

И сложился изъ всѣхъ живыхъ существъ такой могучій хоръ, что великая слава земли залетѣла далеко за планеты и звѣздочки и достигла до самыхъ небесъ.

И открылись они; и вылетѣли оттуда ангелы, какъ цвѣточки на землю, и запѣли они отвѣтную пѣснь:

— Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Коля проснулся и оглядѣлся по сторонамъ; свѣтило солнце, играя алмазами на снѣжныхъ узорахъ стекла.

Передъ нимъ стояла мама и ласково улыбалась. Изъ столовой пахло душистою елкой.

— Вставай, мой мальчикъ, сказала она. — Вотъ и Рождество!

Владиміръ фонъ-Бергъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Продолженіе).

Но вотъ ужъ и середина мая. Зазеленѣли деревья, зацвѣли на лугахъ первые цвѣты и потянуло теплымъ, ласковымъ вѣтеркомъ. Защебетали птицы, стали свѣтлыми и прозрачными задумчивыя сѣверныя ночи и Соня цѣлые дни стала проводить на дворѣ. Ее занимало все: и прилетѣ грачей, и возвратившіеся скворцы и побѣжавшіе съ горокъ ручьи. А когда сталъ одѣваться въ первую зелень лѣсъ и воздухъ наполнился ароматомъ, отъ котораго хотѣлось еще глубже и чаще дышать, то Соня бѣгала по парку и все казалось ей новымъ и интереснымъ и принявшимъ вдругъ такую красоту, о которой она даже и не могла подозрѣвать.

— Что, Соня? обращался къ ней дядя.—Какъ тебѣ нравится наша сѣверная весна?

Она не отвѣчала ему ничего, но по ея лицу онъ видѣлъ, что ей стало нравиться на далекой чужбинѣ и что если-бы около нея были ея отецъ или няня, то она больше не желала-бы ничего.

Боря усиленно готовился къ экзамену. Иванъ Игнатьевичъ нѣсколько разъ уже проэкзаменовалъ Соню, и она оказалась подготовленной достаточно хорошо.

Теперь пройдетъ еще семь или десять дней,—и они отправятся въ Ярославль поступать въ гимназію, и это теперь наполняло всю ихъ жизнь.

„Что, если я провалюсь?“ думала Соня.

Но вотъ прошли и эти десять дней. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, Прасковья было приказано достать изъ чулана чемоданы и началась укладка въ нихъ вещей. Соня укладывала бѣлье и костюмы, Прасковья пекла на дорогу пирожки и жарила котлеты, а Боря взадъ и впередъ ходилъ по аллеямъ парка и, заложивъ руки за спину и высоко поднимая голову, заучивалъ наизусть стихи. Иванъ Игнатьичъ тоже суетился около своихъ вещей, а дядя Григорій Петровичъ какъ-то сразу вдругъ помолодѣлъ и повеселѣлъ и, глядя на всеобщую спѣшку, подшучивалъ надъ Соней и говорилъ, что оставить ее въ усадьбѣ одну, а всѣхъ увезетъ съ собою въ Ярославль.

Укладку окончили только къ десяти часамъ вечера и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправились въ послѣдній разъ гулять. Было свѣтло какъ днемъ. Пѣли птицы, побрякивали бубенчиками лошади, вы-

пущенныя пастись на всю ночь, и кругомъ стоялъ такой аромать, что не хотѣлось уходить со двора домой и какъ-то не думалось даже вовсе и о снѣ.

— Ну, дѣти, обратился наконецъ Григорій Петровичъ къ Сонѣ и къ Борѣ,—пора ужъ и спать. Завтра рано утромъ намъ подадутъ экипажъ и хотѣлось-бы выѣхать пораньше. Идите, мои милые, спать!

Всѣ отправились въ домъ. Взойдя на крыльцо, еще постояли нѣсколько минутъ и любовались на деревья. Они стояли недвижно и тоже, казалось, спали. Летали взадъ и впередъ жуки, по прежнему кричали птицы и Сонѣ вдругъ стало какъ-то жаль разставаться со всѣмъ этимъ домомъ, который повеселѣлъ, благодаря ей, и съ этимъ старымъ, запущеннымъ, но полнымъ поэзіи паркомъ, въ которомъ она провела осень и зиму и встрѣтила теперь радостную, душистую весну.

— Пора, пора! сказалъ наконецъ дядя и отправился къ себѣ въ кабинетъ.

Дѣти разошлись по своимъ постелькамъ, долго думали о предстоящей завтрашней поѣздкѣ и наконецъ уснули крѣпкимъ, счастливымъ сномъ.

Рано утромъ къ Сонѣ уже постучалась Прасковья.

— Барышня! говорила она.—

Пора вставать! Дяденька уже вставши!.. Лошади уже поданы!

Соня вскочила съ постели, подбѣжала къ окну и дѣйствительно увидѣла у крыльца лошадей. Значить, это не сонъ. Она дѣйствительно поѣдетъ сегодня въ Ярославль!

Боже мой! Какое счастье!

И съ непостоянствомъ ребенка она позабыла уже о паркѣ, съ которымъ только вчера вечеромъ ей жаль было разставаться, и стала быстро собираться въ путь.

Было раннее утро, летали взадъ и впередъ птички и мычалъ протяжно скотъ. Изъ сосѣдняго села доносился звонъ: это благовѣстили къ заутренѣ. Когда Соня вошла въ столовую, то тамъ была въ сборѣ уже вся семья. Напились чаю, поѣли на дорогу и наконецъ стали увязывать подушки и одѣяла и выносить вещи на крыльцо. Вышли провожать Прасковья, скотница, дворникъ Никита и кое-кто изъ домашней прислуги еще. Приехала слѣпая Ольга Ивановна. Одѣлись, по обычаю присѣли на минуту, а затѣмъ поднялись и отправились садиться въ тарантасъ. Дядя Григорій Петровичъ и Иванъ Игнатьевичъ сѣли рядомъ и усадили между собою Соню, а Боря пристроился на подушкахъ около передка.

— Трогай! сказалъ дядя и перекрестился.

— Счастливаго пути! закричали ему вслѣдъ.

Лошади дернули за тарантасъ и потащили его изъ усадьбы. Колокольчикъ зазвенѣлъ подъ дугой, забренчали бубенчики и передъ Соней потянулись озимыя поля, лѣса и кустарники. Передъ нею развертывалась новая, еще невѣдомая для нея жизнь, а позади нея, все болѣе и болѣе удаляясь, утопала въ голубой дали усадьба дяди и въ ней одинокая фигура Прасковьи на крыльцѣ, которая глядѣла вслѣдъ убѣгавшему тарантасу и, утирая глаза концами фартука, испытывала такое чувство, точно сразу осиротѣла.

— Кокоренька ты моя! причитала она.—На кого ты меня оставила одну?.. Ангелъ ты мой небесный архангельскій! Какъ я здѣсь буду безъ тебя одна-одиношенька? Пропала моя головушка бѣдная!

Соня ѣхала въ тарантасѣ, глядѣла по сторонамъ и не могла наглядѣться на дремучіе лѣса, на зеленую, какъ изумрудъ, озимь и на деревни и села, мимо которыхъ имъ пришлось проѣзжать. И ей казалось страннымъ, какъ это полъ-года тому назадъ, когда она ѣхала сюда изъ Крыма въ первый разъ, все представлялось ей скучнымъ и убогимъ и не стоившимъ того, чтобы стоило сюда приѣзжать.

Черезъ три часа остановились

въ Ильинскомъ. Пока лошади отдыхали и жевали овесъ, Соня разливала чай, угощала дядю и Ивана Игнатьевича пирожками и котлетами и это ей нравилось и ей казалось, что она уже большая, и что если она не позаботится о мужчинахъ, то они останутся голодными и не догадаются поѣсть сами.

Затѣмъ снова отправились въ путь.

Теперь уже вдоль дороги тянулись телеграфныя столбы и версты и Соня и Боря считали ихъ и имъ казалось, что отъ этого скорѣе пробѣгало время.

Но вотъ и Угличъ. Тарантасъ въѣзжаетъ въ этотъ древнѣйшій русскій городъ и прыгаетъ по неровной булыжной мостовой. Соня оглядывается по сторонамъ и съ удивленіемъ смотритъ на небольшіе, кое-гдѣ уже начинающіе приходять въ ветхость дома, и на массу церквей, и ей кажется страннымъ, какъ въ такомъ небольшомъ городкѣ можетъ быть столько храмовъ.

— По двѣ и по три церкви на каждой площади! — восклицаетъ Боря.—Да сколько же здѣсь священниковъ!

Пока ѣдутъ до постоялаго двора, дядя Григорій Петровичъ рассказываетъ исторію Углича. Это—одинъ изъ первыхъ русскихъ городовъ. Онъ существовалъ еще во времена святой княгини Ольги,

бабушки князя Владиміра, который ввелъ въ Россіи христіанство. Въ 1591 году здѣсь убитъ царевичъ Димитрій, сынъ Іоанна Грознаго, послѣдній отпрыскъ династіи Рюрика, и съ этого момента началось на Руси Смутное время, закончившееся только послѣ избранія на русскій престолъ Михаила Ѳедоровича Романова. Когда умеръ Іоаннъ Грозный, то послѣ него остались два сына: Ѳедоръ и мальчикъ Димитрій. Димитрій жилъ вмѣстѣ съ матерью въ Угличѣ и няня водила его гулять на Волгу, а Ѳедоръ вступилъ послѣ отца на престолъ. Это былъ человекъ очень слабый, неспособный царствовать, и вмѣсто него всѣми государственными дѣлами управлялъ его царедворецъ Борисъ Годуновъ. У Ѳедора не было вовсе сына и наслѣдникомъ послѣ него считали его брата — мальчика Димитрія. Говорятъ, что Борису Годунову очень хотѣлось царствовать послѣ Ѳедора самому и для этого, чтобы устранить Димитрія со своего пути, онъ подослалъ къ нему убійцъ. Мальчикъ игралъ орѣшками на берегу Волги около своего дворца, когда вдругъ подбѣжали къ нему подосланные убійцы и зарѣзали его. Ударили въ набатъ, народъ бросился вслѣдъ за убійцами, разтерзалъ ихъ, но сдѣланнаго уже было исправить нельзя и дѣйствительно послѣ смерти Ѳедора, на русскій престолъ взошелъ

его царедворецъ Борисъ Годуновъ.

Тарантасъ подбѣхалъ прямо къ пристани, около которой уже стоялъ пароходъ. Боря и Соня соскочили съ него и стали разминать уставшіе члены. Носильщики взяли вещи, дядя и Иванъ Игнатьевичъ тоже сошли съ тарантаса и вотъ Соня уже на пароходѣ. Передъ нею тянется Волга, еще не успѣвшая войти послѣ ледохода въ свои берега, и яркое солнце отражается на ея зыби. На высокомъ берегу стоитъ Угличъ и тоже отражается въ водѣ. На противоположной сторонѣ виднѣется чья то большая барская усадьба, теперь унылая и запущенная, въ которой, вѣроятно, прежде жилось весело и беззаботно, а сбоку ея поднимается фабричная труба отъ какого то завода. Соня смотритъ на Волгу, на Угличъ съ его множествомъ церквей, на этихъ настоящихъ русскихъ людей, которые ходятъ по берегу и всходятъ на пароходъ, и все ей кажется простымъ, безыскусственнымъ, но полнымъ красоты и живого интереса.

— Долго еще простоятъ пароходъ?— спрашиваетъ дядя.

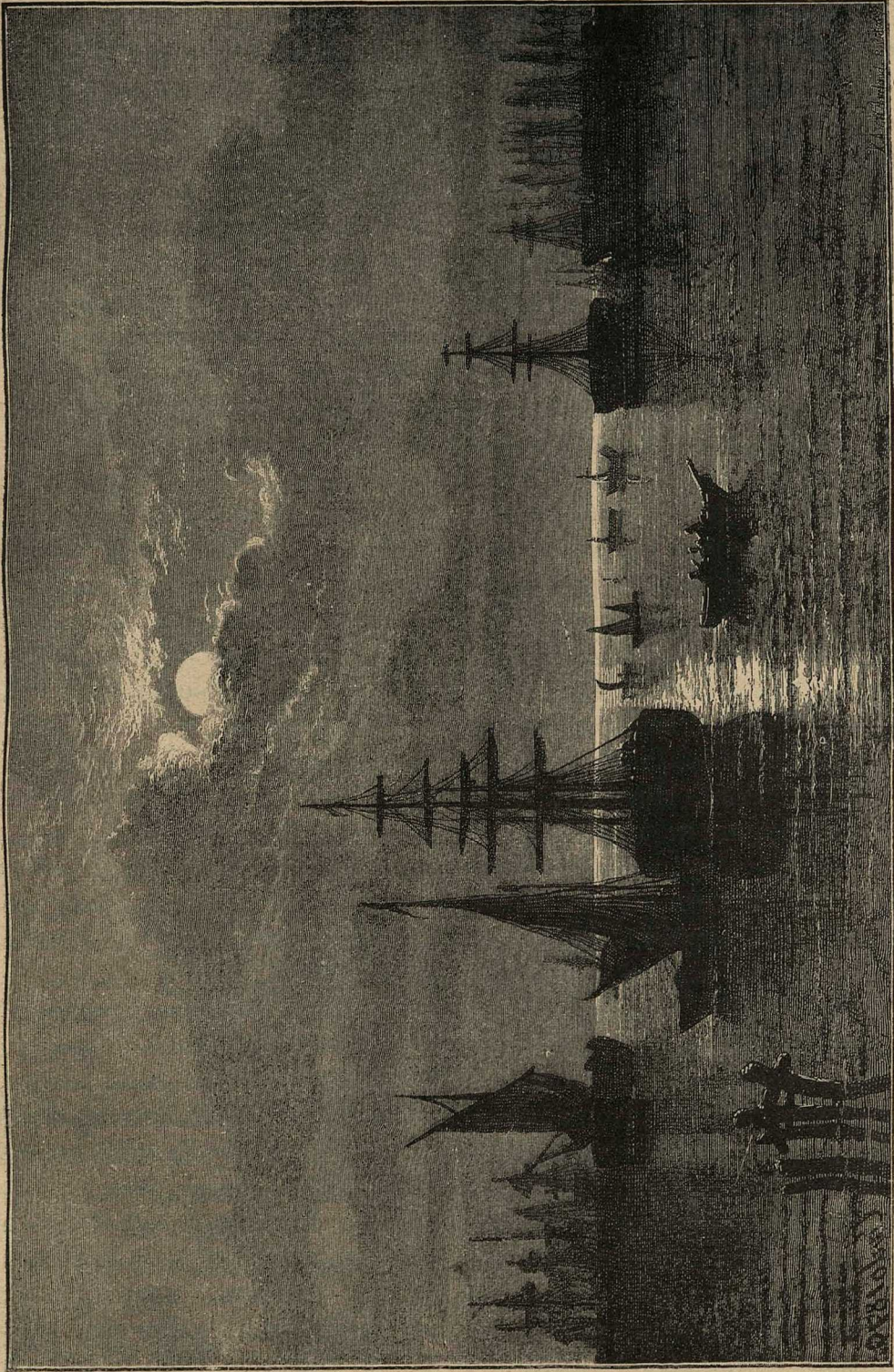
— Минуть съ сорокъ!—отвѣчаютъ ему.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте посмотрѣть на городъ!

Они отправляются бродить по городу. Вотъ городской садъ на

Св. Дѣва Марія. (Съ картины Мурильо).

Ночь на воморѣѣ.

мѣстѣ древняго кремля, вотъ дворецъ царевича Димитрія, въ которомъ онъ жилъ съ матерью и съ няней. Высокій, четырехугольный, похожій на ящикъ, онъ стоитъ въ цвѣтникѣ и большое дубовое крыльцо ведетъ къ нему во второй этажъ. Вотъ красная церковь, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ царевичъ Димитрій, а вотъ и тотъ колоколь, въ который звонили въ набатъ, когда совершилось злодѣйство. Соня смотритъ на всѣ эти остатки сѣдой старины и ей кажется, что все прошедшее встаетъ передъ нею, какъ живое, она слушаетъ объясненія дяди и не можетъ ихъ слушаться.

Неужели вотъ здѣсь, именно на этомъ самомъ мѣстѣ, происходили всѣ эти событія? Неужели вотъ эти самые кирпичи и камни видѣли, какъ здѣсь гулялъ царевичъ, и были свидѣтелями его кончины?

Но раздается свистокъ парохода и всѣ четверо отправляются на пристань.

Другой свистокъ и третій — и пароходъ отчаливаетъ отъ берега. Соня стоитъ на его площадкѣ и глядитъ на удаляющійся городокъ, гдѣ было когда то столько жизни и протекло столько историческихъ событій. По мѣрѣ удаленія, Угличъ все шире и шире развертываетъ свою панораму, массы церквей и колоколенъ блистаютъ своими главами на солнцѣ и, наконецъ, все

скрывается за поворотомъ рѣки. Соня сидитъ на площадкѣ и передъ нею съ обѣихъ сторонъ тянутся берега, то высокіе, покрытые лѣсомъ, то низкіе, на которыхъ весело зеленѣетъ рожь. Деревни и села попадаютъ ей на пути и ей хочется соскочить съ парохода, побѣжать по этимъ селамъ и деревнямъ и поговорить съ этими мальчишками, которые стоятъ теперь на берегу и привѣтливо машутъ своими картузами пароходу.

Около Сони стоитъ ея дядя, смотритъ на Волгу и на ея берега, указываетъ Сонѣ на красивыя мѣста и весело говоритъ:

— Вѣдь это, Сонечка, наша родина!.. Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ! Русалка на вѣтвяхъ сидитъ!

А Боря съ Иваномъ Игнатьичемъ ходятъ по всему пароходу, заглядываютъ повсюду и стараются разглядѣть, какъ устроена въ немъ машина и какъ ее приводить въ движеніе паръ.

Проходятъ часы, пароходъ все идетъ и идетъ и Соня все время сидитъ на его площадкѣ и глядитъ на воду и на берега. Вотъ проѣхали подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, который, какъ кружевная полоска протянулся по свѣтлomu небу изъ края въ край, вотъ уже и городокъ Молога, а вотъ, наконецъ, и Рыбинскъ. Сотни баржъ тянутся вдоль рѣки, десятки пароходовъ попадаютъ на

встрѣчу, кругомъ оживленіе и рабочая суета, тамъ грузчики, какъ муравьи, одинъ за другимъ вытаскиваютъ на берегъ громадныя кипы груза, а здѣсь бурлаки съ плѣснями притягиваютъ къ берегу нагруженную клюквой баржу. И надъ всѣмъ этимъ стоятъ неумолкающіе звуки пароходныхъ гудковъ и звонъ густого колокола на соборной колокольнѣ въ Рыбинскѣ.

Дядя, Иванъ Игнатьичъ, Соня и Боря пересѣли на другой пароходъ и поплыли далѣе въ Ярославль. И снова по бокамъ потянулись милые по своей простотѣ берега, полные русской жизни и русской сѣверной красоты, снова потянулись села и деревни и барскія усадьбы и стали попадаться навстрѣчу пароходы, караваны и плоты. Соня смотрѣла на нихъ и не могла оторвать отъ нихъ глазъ.

— Какъ здѣсь у васъ, дядя, хорошо!—сказала она наконецъ.

Григорій Петровичъ склонился надъ ней, поцѣловалъ ее въ голову и тихо отвѣтилъ:

— Я же тебѣ говорилъ, что ты полюбишь нашу сѣверную природу и будешь считать ее своей!

Но вотъ уже вдаль показался и Ярославль. Черезъ десять минутъ, много черезъ четверть часа, путь будетъ оконченъ и для Сони и Бори съ завтрашняго дня должна будетъ начаться новая жизнь. Завтра они должны будутъ держать экзамены въ гимназію.

Всѣ спѣшатъ уложить свои вещи, связываютъ свои узлы и укладываютъ чемоданы. Пароходъ проходитъ мимо подгородныхъ дачъ, долго свиститъ и наконецъ причаливаетъ къ берегу. Раздаются городскіе звуки, стукъ о мостовую извозничьихъ колесъ, благовѣсть какаго то дальняго храма, говоръ встрѣчающихъ и провожающихъ, крики „берегись“ и „сторонись!“ и вся публика выходитъ изъ парохода.

Путь конченъ. Соня приѣхала въ Ярославль.

Они садятся на извозчиковъ и ѣдутъ въ гостиницу. Вдоль бульвара бѣжитъ трамвай, тянутся ломовые и вереницей идутъ прохожіе. Но Соня не смотритъ ни на что, ее не занимаютъ ни большіе дома, ни трамвай. Ей показалось, что при выходѣ изъ парохода она видѣла въ толпѣ свою няню Агашу, или по крайней мѣрѣ похожую на нее старушку, и воспоминанія толпой нахлынули на нее и смутили ея душу.

Гдѣ-то няня теперь?

А няня Агаша въ этотъ день гуляла съ Валею по набережной въ Ярославлѣ, глядѣла, какъ на противоположномъ берегу стояли въ водѣ дома, застигнутые разливомъ, и при видѣ пароходовъ и плотовъ, вспоминала о морѣ и мечтала о свиданіи съ Соней.

— Гдѣ-то она здѣсь недалеко... говорила она Валѣ. — Только-бы вотъ узнать, гдѣ она живетъ?

Но ни Валя, ни ея мама и папа не знали ничего о Григоріи Петровичѣ и объ его усадьбѣ.

— А ты, няня, ей напиши! посоветовала Валя. — Она тебѣ отвѣтитъ, ты и будешь знать, гдѣ она живетъ!

Няня грустно улыбнулась и покачала головой.

— Да куда писать-то? отвѣтила она. — Знала-бы, такъ и давно-бы написала!

Нагулявшись по набережной, онѣ перешли бульваръ, посидѣли на лавочкѣ и отправились затѣмъ за Оедей въ гимназію. Учене кончилось и мальчики толпами выходили на улицу. Лица у всѣхъ были веселыя, розовыя, задорныя. Гимназисты были рады солнцу и веснѣ и эта радость сказывалась у нихъ на всемъ: и на ихъ костюмахъ и на манерѣ себя держать и на движеніяхъ, которыхъ уже не стѣсняли болѣе ихъ длинныя пальто.

— Корниловъ, за тобой сестра пришла! крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Гдѣ? отозвался розовенькій, круглый мальчикъ лѣтъ десяти.

— Вонъ она съ няней, стоитъ у фонаря!

Оедя выбѣжалъ изъ толпы, присоединился къ нянѣ и сестрѣ и вмѣстѣ съ ними пошелъ домой.

— Корниловъ! крикнулъ кто-то изъ товарищей въ догонку. — Скажи твоей нянѣ, чтобы она поступала къ намъ въ первый классъ!

— Зачѣмъ въ первый? отозвалась няня Агаша. — Я могу прямо и въ восьмой.

И всѣ трое по набережной отправились домой.

Свѣтило яркое солнце, деревья были покрыты свѣжею, душистою листвою, съ Волги тянуло прохладой и запахомъ воды и почему-то хотѣлось въ поле, куда-то туда, гдѣ небо сходилось съ землею и гдѣ на далекомъ горизонтѣ синѣли на томъ берегу Волги лѣса.

— Вотъ-бы теперь въ деревню! воскликнулъ Оедя.

— Да, отвѣтила няня. — Въ деревнѣ теперь хорошо. Хорошо и въ Крыму, гдѣ я жила у Сони. Узнать-бы только гдѣ она теперь, такъ можно было-бы поѣхать въ гости и къ ней.

Въ это время къ берегу причаливалъ пароходъ изъ Рыбинска.

— Пойдемте его встрѣчать! предложилъ Оедя.

— Пойдемте! отвѣтила Валя.

Времени еще было достаточно и няня повела ихъ на пароходъ. Онъ описалъ широкою дугою и тихонько причалилъ къ пристани. Няня любила встрѣчать пароходъ, и когда онъ приходилъ и уходилъ, то ей казалось что она ѣхала на немъ сама. Взявши за руки Оедя и Валю, она стояла теперь на пристани и, затертая толпой, боялась, какъ-бы кто-нибудь не толкнулъ или не примялъ ея дѣтей. Бросили сходни и пассажиры

массами повалили съ парохода на берегъ. Няня глядѣла то на нихъ, то нагибалась къ Валѣ и Оедѣ и вдругъ лицо ея какъ-то странно измѣнилось. Она вздрогнула, вся вспыхнула и затрепетала. Ей показалось, что въ толпѣ она увидала свою милую, дорогую, ненаглядную Соню. Дѣвочка шла, взявшись за руку съ какимъ-то незнакомымъ господиномъ, и скоро смѣшалась съ другими и потерялась въ толпѣ. Няня рванулась впередъ, хотѣла было протискаться къ выходу, но ее затерли и осадили назадъ. Слезы навернулись у нея на глаза.

— Сонечка! Соня! залепетала она.—Неужели это ты?

Но никто не услышалъ этихъ ея словъ и когда толпа порѣдѣла и ее выпустила съ пристани на берегъ, то впереди уже не было никого. Она шла, отвѣчала невпопадъ на вопросы дѣтей и все присматривалась къ людямъ, проѣзжавшимъ мимо нея на извозчикахъ, и прислушивалась, не окликнетъ ли ее кто-нибудь?

Но ее не окликалъ никто и ей стало уже казаться, что она ошиблась, что это вовсе была не Соня, а кто-то другой, и ей было доса-

дно и обидно, что она во время не сумѣла протиснуться сквозь толпу и поближе приглядѣться къ Сонѣ и убѣдиться, что это дѣйствительно была она.

— Старая дура! шептала она, ругая себя.— Слѣпая курица! Не умѣла получше разглядѣть!...

Въ это время у воротъ чьего-то дома важно прохаживался пѣтухъ.

— Нѣтъ, няня, это не курица, а пѣтухъ! поправилъ ее не понявший ея словъ Оедя.—Развѣ не видишь, какой у него хвостъ?

Няня поглядѣла на пѣтуха, засмѣялась и овладѣла собой.

— Ты не замѣтила, обратилась она къ Валѣ,—какъ выходили съ парохода дѣвочка и съ ней какой-то высокій господинъ?

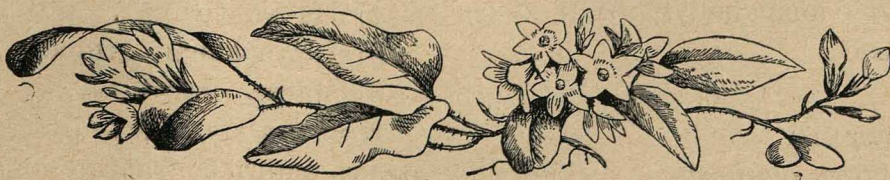
Валя вопросительно посмотрѣла на няню, постаралась припомнить, но вопросъ былъ заданъ въ такой формѣ, что на него трудно было отвѣтить.

— Дѣвочка? переспросила она.— Нѣтъ, не помню...

И они отправились домой объ-
дать.

—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Если въ средину булки втиснуть слогъ „ты“, то выйдетъ сосудъ для вина.

Какое слово задумано?

(Предложилъ Андрияша Федотовъ донской казачекъ).

II.

Съ буквой „с“ я—зажигая огонь, а безъ этой буквы я—очень вкусная закуска. Что я такое?

III.

Задуманы названія пяти птицъ:

1) Веселенькой птички, гнѣздящейся въ городахъ подъ крышами и за вывѣсками магазиновъ.

2) Большой хищной птицы, считающейся птичьимъ царемъ.

3) Маленькой птички, приносящей намъ весну.

4) Домашней и дикой птицы, живущей около человѣка, пользующейся его расположеніемъ и переносящей въ важныхъ случаяхъ на себѣ его почту.

5) Большой птицы, гнѣздящейся на крышахъ хатъ и сараевъ въ южныхъ мѣстностяхъ.

Изъ начальныхъ буквъ названій этихъ птицъ составить новое слово, означающее названіе великой рѣки въ Европѣ.

Какія слова задуманы и какая это рѣка?

IV.

Задуманы:

1) Часть экипажа.

2) Часть скелета позвоночнаго.

3) То, что даетъ обуви блескъ.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ взять по первой и по послѣдней буквѣ и составить изъ нихъ три слога. Изъ этихъ трехъ слоговъ составить названіе жвачнаго животного.

Какія слова задуманы и какое это жвачное животное?

V.

Что надоѣдливѣе барабана?

VI.

Что вы дѣлаете, когда торопитесь?

VII.

Почему колокола звонятъ въ праздничные дни?

VIII.

Что растеть зимой, чахнетъ весной и умираетъ подъ крышей?

IX.

Почему желѣзныя дороги проводятъ инженеры, а не простые плотники?

X.

Задуманы:

1) Домашнее хищное животное.

2) Вкусный, сочный, сладкій, круглый овощъ.

3) Хищный звѣрь, котораго считаютъ хитрымъ.

4) Часть головы.

5) Плавающая птица.

6) Часть свѣта.

Изъ начальныхъ буквъ всѣхъ этихъ словъ составить новое слово,

означающее название губернского города в центральной России.

Какія слова задуманы и какой это городъ?

(Предложилъ Сережа Тушканчикъ).

Игра „Кто скорѣе?“

Играющихъ двое, четверо или шестеро. Каждый запасается пѣшкой и играетъ по очереди, передвигая пѣшку настолько цифръ впередъ, сколько выйдеть очковъ на брошенной косточкѣ. Въ особое блюдце, составляющее кассу, каждый игрокъ кладетъ по 20 горошинъ, пуговокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Это означаетъ деньги.

Начиная игру, каждый становится, соблюдая очередь, на № 1, бросаетъ косточку и уже отсюда двигается впередъ.

Его могутъ ожидать слѣдующія случайности:

Если онъ станеть на № 3, то сразу-же перескакиваетъ на № 6.

Ставши на № 7, игрокъ получаетъ изъ кассы три денежки.

Съ № 11-го возвращаетесь опять на № 1.

Съ № 14-го перескакиваете на № 17.

Ставши на № 18, получаете изъ кассы 3 денежки.

Ставши на № 23, оставайтесь здѣсь до тѣхъ поръ, пока не придетъ сюда кто-нибудь другой. Этотъ другой пусть дастъ вамъ двѣ денежки изъ своихъ средствъ, а не изъ кассы, и пусть ожидаетъ здѣсь прихода слѣдующаго игрока.

Съ № 27 переѣзжайте въ каретѣ на № 31 и получайте изъ кассы 3 денежки.

Ставши на № 32, оставайтесь здѣсь, а всѣ другіе игроки пусть сѣиграютъ по одному разу не въ очередь.

Съ № 37 скачите сразу на № 46.

Съ № 40 переѣзжайте на оленѣ на № 50 и получайте изъ кассы 3 денежки.

Ставши на № 45, платите каждому изъ игроковъ по 1 денежкѣ и возвращаетесь на № 28.

Съ № 48 переѣзжайте на № 55 и получите изъ кассы 1 денежку.

Съ № 53 тройка должна спастись отъ волковъ на № 33.

Съ № 56 уѣзжайте поскорѣе на верблюду на № 62.

Ставши на № 59, уплатите въ кассу 3 денежки и бросайте косточку еще разъ.

№ 64 за право ѣхать на велосипедѣ платить въ кассу 3 денежки.

Съ № 69 переѣзжайте въ поѣздѣ на № 85 и получайте съ cadaго изъ игроковъ по 2 денежки.

Съ № 72 мчитесь на электричкѣ сразу на № 77, но уплатите въ кассу за проѣздъ 5 денежекъ изъ своихъ средствъ.

Съ № 75 переѣзжайте на автомобилѣ на № 85 и получите изъ кассы 5 денежекъ.

Съ № 79 яхту относить вѣтромъ обратно назадъ на № 65.

Съ № 82 пароходъ идетъ на № 85 и получаетъ за это изъ кассы 5 денежекъ.

Съ № 86 воздушный шаръ перелетаетъ впередъ на № 93.

Съ № 90 лопнувшій воздушный шаръ изгоняется вовсе изъ игры.

№ 95 за удачный полетъ получаетъ половину всей кассы.

№ 100—аэропланъ получаетъ всю кассу. Игра окончена. Если игрокъ перескочитъ черезъ 100, то долженъ возвратиться обратно на столько-же номеровъ, сколько онъ ихъ перескочитъ, и дождавшись очереди, снова броситъ косточку, пока не станеть на сто.

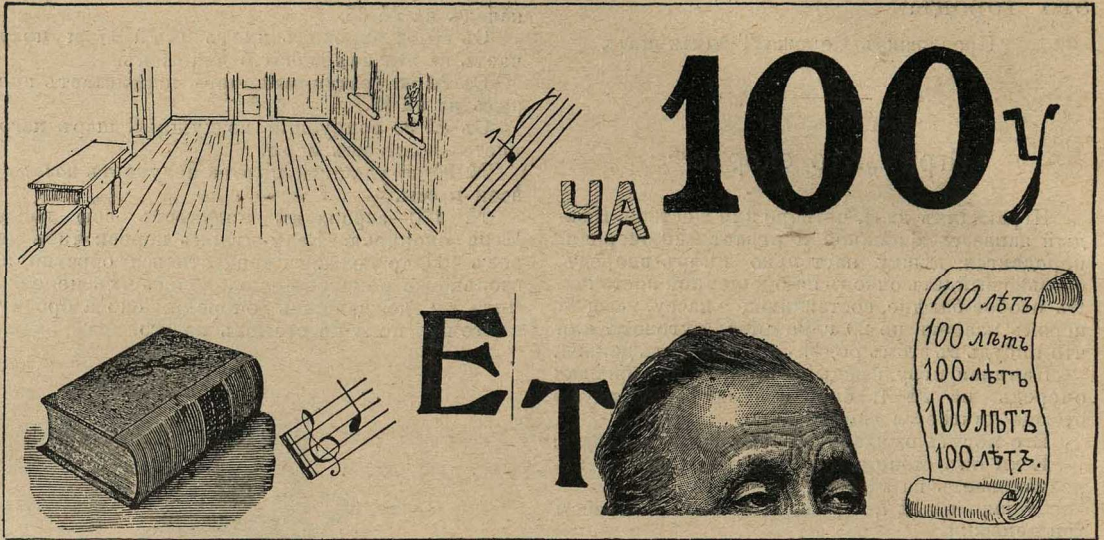

Рѣшеніе головоломки, помѣщенныхъ въ № 2 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I) По мостовымъ. II) Онъ купилъ себѣ галоши потому, что ихъ не дали ему даромъ. III) Мясо, Изба, Рука; новое слово—Собака. IV) Село, Русло, Кошка—Сорока. V) Скажи мнѣ вѣтка Палестины, гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла? VI) Козель, Осель, Слонь, Тигрь, Рысь, Олень, Мышь, Антилопа. Задуманное слово—Кострома. VII) По воздуху. VIII) За стѣнами. IX) Львы музыки на фортепiano не слышали никогда.

Вприня рѣшенія прислали: Нина Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Сережа Тушканчикъ въ СПб., Женя Стрекоза, Шура Обморшевъ изъ Козлова, Муся Владыкина, Сережа Домрачевъ изъ Ницинскаго завода, Андрюша Федотовъ—донской казачокъ изъ Шучина, Оля Попель и Берта Степанова изъ Клева, Николай Серебровскій изъ Нижняго-Новгорода. Юра Алексѣевъ, Марина Петрова, Вася Оловяниковъ, Коля Кукушкинъ, Петръ Плотниковъ, Грети Принцъ, Борисъ Сыромятниковъ, Надя Алексѣева.

РЕБУСЪ № 3.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусы, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. Отдѣльно крышки для переплета—по 45 копѣекъ (съ пересылкою по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ интересныхъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.